

Е. М. ВЕРЕШАГИН

О ПРОВНЫХ СТАТЬЯХ ОДНОТОМНОГО СЛОВАРЯ СТАРΟΣЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА

Однотомный Словарь старославянского языка, составляемый в настоящее время советскими и чехословацкими учеными, обещает стать значительным событием в славистике. Поэтому публикация пробных статей¹ с целью широкого обсуждения предварительных результатов большой лексикографической работы представляется и необходимой и своевременной. Необходима она потому, что судить о готовящемся Словаре удобнее не на основании проспекта², а на конкретном материале. Своевременна она по той причине, что до завершения рукописи еще есть срок принять во внимание возможные замечания.

Нет никакого сомнения, что опубликованные пробные статьи вполне могут служить основой статей Словаря. Так как по части оценивается целое, следует ожидать, что подготавливаемый Словарь внесет немалый вклад в изучение старославянского языка. Настоящие заметки не являясь рецензией, поэтому нет необходимости придерживаться композиционных правил, свойственных этому жанру, и на заслуживающих одобрения характеристиках пробной публикации мы не останавливаемся. Ниже излагаются соображения критического плана, не влияющие на общую высокую оценку рассматриваемых материалов; некоторые из этих соображений дискуссионны.

Первое и самое существенное замечание касается отбора подлежащих отражению в Словаре старославянских памятников.

В этом вопросе замысел составителей претерпел некоторую эволюцию. Действительно, в проспекте Словаря указывается, что исследованию подлежат только собственно старославянские памятники (а не изводы), причем термин «старославянский» отождествлялся с термином «древнеболгарский» («староболгарский»). Отобрано было 14 памятников, отвечающих выдвинутому критерию (включая требование правильного употребления сочетаний шт, жд). В сообщении о Словаре, опубликованном в 1965 г.³, к болгаро-македонским памятникам был прибавлен чехо-моравский — Киевские листки. Язык данного памятника может рассматриваться или как «литературный» диалект в рамках старославянского языка⁴ или — с большим основанием, поскольку язык памятника все-таки древнеболгарский, — как чехо-моравский извод старославянского языка. 14 памятников с болгаро-македонскими чертами и один с чехо-моравскими и составляют тот

¹ См.: Р. М. Цейтлин. Из опыта работы над словарем старославянского языка. — В сб. «Славянская лексикография и лексикология». М., 1966.

² Р. М. Цейтлин. О принципах составления словаря старославянского языка. — «Вопросы славянского языкознания», вып. 6, М., 1962.

³ Р. М. Цейтлин. О работе над однотомным Словарем старославянского языка. — «Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР», вып. 43, М., 1964.

⁴ Н. G. Lunt. Old Church Slavonic Grammar. 'S Gravenhage, 1955, p. 5.

материал, который отражен в пробных статьях. В число источников предполагается включить и Енинский апостол. Как только в канон памятников ввели Киевские листки, Словарь стал отражать лексику не только собственно старославянских (т. е. древнеболгарских) памятников, но и памятников региональных изводов этого языка.

После описанной эволюции говорить о едином принципе отбора памятников в старославянский канон оказалось невозможным, и о нем действительно умалчивается. Говорится только о том, что в Словаре отражаются «древнейшие» тексты, но понятие «древности» источника, во-первых, относительно, и, во-вторых, не является лингвистическим, а нелингвистические критерии объединения языкового материала в известную совокупность не могут привести к успеху (из-за разрушения гомогенности науки)⁵. Принцип отбора источников противоречив, и на данном обстоятельстве ввиду его исключительной важности требуется задержать внимание.

Спрашивается, почему пришлось отказаться от первоначального, в целом строгого критерия?

В составлении Словаря, как известно, принимают участие чешские ученые. В этой связи понятно желание составителей отразить в нем памятник, испытавший чехо-моравское влияние. Видимо, поэтому пришлось отказаться от принципа отбора только болгаро-македонских памятников. Таким образом, отказ от единого критерия, по всей видимости, обусловлен соображениями чисто практического и, так сказать, регионального характера⁶.

Зададимся теперь вопросом, не выпадает ли из поля зрения составителей рассматриваемого словаря источник, который мог бы войти в общий список по тем же соображениям, что и Киевские листки. Речь идет здесь, разумеется, об Остромировом евангелии.

Если встать на точку зрения, что Остромирово евангелие — памятник не древнерусского, а старославянского языка (пусть и в форме извода), то оно вполне отвечает критерию древности (середина XI в.) и должно войти в Словарь, учитывающий и древние региональные изводы. Как известно, по вопросу о принадлежности данного памятника канону велась и ведется оживленная дискуссия. Для нас не столь существенно, считать Остромирово евангелие памятником классического старославянского языка или изводом этого языка. Важно только отклонить точку зрения, что Остромирово евангелие является памятником древнерусского языка, так как в последнем случае в старославянском словаре ему действительно не место.

Русская славистическая школа в лице своих наиболее авторитетных представителей отстаивала взгляд, что русский элемент в Остромировом евангелии может быть легко отделен от старославянского языка памятника⁷. Поэтому сопоставление данного памятника с Киевскими листками, в которых чехо-моравизмы легко отделяются от старославянской основы, напрашивается само собой. Некоторые слависты рассматривали Остро-

⁵ Характерно, что древность Киевских листов устанавливается по преимуществу палеографическим анализом. Характерно также, что Фрейзингенские отрывки по критерию древности должны были войти в канон, но они в него не вводятся по лингвистическим соображениям.

⁶ Чешские слависты в своей лексикографической практике вообще уделяют местному материалу много внимания. В академическом словаре старославянского языка, например, они отражают лексику чешских церковнославянских памятников, хотя общим критерием отбора источников является принадлежность их к кирилло-мефодиевской эпохе.

⁷ Отметим, например, что А. А. Шахматов и В. Н. Щепкин к русскому переводу «Грамматики старославянского языка» А. Лескина сочли необходимым прибавить описание языка Остромирова евангелия. Специальное исследование русских рукописей как источников старославянского языка было предпринято Н. Н. Дурново, взгляды которого разделял Н. Трубецкой.

мирово евангелие как памятник древнерусского языка, приводя, как правило, чисто фонологическую аргументацию. Морфология привлекалась в малой степени. Однако большинство авторов считает Остромирово евангелие старославянским памятником, но русского извода.

На наш взгляд, вторая точка зрения более последовательна. Покажем это с помощью некоторых аналогий. Можно ли считать, что евангельский текст с произношением современного грека написан не древнегреческим языком, если даже грек и читает его по-новогречески? Можно ли считать, что текст Корана, как он звучит в речи современных турков, не есть текст классического арабского языка? Правильно ли сказать, что в двух раввинистических традициях чтений библейского текста представлены разные языки? Ответ, как думается, однозначен. Судить о принадлежности текста определенному языку на основании одного-единственного уровня — теоретически неверно. Известно, что мертвый литургический язык, как правило, имеет ряд традиций чтения⁸. Эти традиции меняются, но нельзя сказать, что меняется и сам язык. Действительно, эразмово и рейхлиново чтения новозаветного текста — это чтения текстов одного и того же языка.

На Руси в XI в. также существовала своя традиция чтения старославянских текстов, и ввиду нестабильности орфографии рассматриваемого периода она обнаруживает себя в Остромировом евангелии и вообще в старославянских памятниках русского извода в большей мере, чем, например, в древнегреческих текстах, переписанных в эпоху Византии и в новейшее время, так как греческая орфография препятствовала отражению на письме действительного произношения.

Таким образом, аргументация ученых, считающих Остромирово евангелие памятником древнерусского языка, построена исключительно на фонологических критериях (морфологические «русские черты» памятника могут быть объяснены через фонологию) и поэтому не может считаться убедительной.

Исключение Остромирова евангелия из канона было бы понятно, если бы речь шла об описании фонологической системы старославянского языка, так как данные этого памятника действительно не укладываются в фонологическую систему, устанавливаемую анализом болгаро-македонских памятников. Между прочим, сказанное относится и к Киевским листкам. Однако в работах по лексике игнорирование Остромирова евангелия ничем не оправдано. Как известно, вопреки мнению Л. Садник и Р. Айтцетмюллера, лексика Остромирова евангелия особенно интересна⁹.

Суммируя сказанное, Остромирово евангелие следует считать памятником не древнерусского, а старославянского языка (в региональном изводе).

Практические соображения, особенно тот факт, что в составлении Словаря принимают участие советские ученые, должны были бы также сыграть здесь свою роль. Остромирово евангелие у нас интенсивно изучается, поэтому включение материалов этого памятника в Словарь, предназначенный для распространения в нашей стране, было бы весьма кстати. Кроме того, этот Словарь, как сказано в проспекте, «крайне необходим студентам гуманитарных факультетов университетов и педагогических институтов нашей страны, в которых старославянский язык является обязательной дисциплиной»¹⁰. В программах и в большинстве вузовских учебников

⁸ Sh. M o r a g. A Special Type of Evolution. — «Actes du VIII Congrès international de linguistes». Oslo, 1958.

⁹ Ср., например, анализ В. Вондраком лексемы *оударяющоумоу* в его «Altkirchenslavische Grammatik», Berlin, 1912, S. 47.

¹⁰ Р. М. Ц е й т л и н. О работе над однотомным Словарем старославянского языка, стр. 95.

Остромирово евангелие включено в канон, и отрывки из него приводятся в хрестоматиях¹¹, так что отсутствие материалов этого памятника в Словаре идет в какой-то мере вразрез с традицией преподавания старославянского языка в отечественной высшей школе.

Подводя итог сказанному, нельзя не пожелать, чтобы Остромирово евангелие было учтено при подготовке рукописи Словаря к печати. Сделать это, видимо, еще не поздно. Действительно, если Енинский апостол, изданный совсем недавно и не описанный в полной мере лексикографически, все же найдет в Словаре отражение, то в отношении лексики Остромирова евангелия составители оказываются в более выгодном положении, так как об этом памятнике существует богатая литература, в том числе и лексикографическая. Кроме того, лексика Остромирова евангелия охвачена пражской картоекой.

Перейдем теперь к рассмотрению пробных статей Словаря. Излагаемое ниже относится преимущественно к технике подачи старославянским лексемам греческих соответствий, поскольку, на наш взгляд, в этом аспекте опубликованный материал особенно уязвим. Ряд соображений касается техники расположения собственно славянского текста.

Всего мы рассматриваем 50 словарных статей (от литеры Р до лексемы *разбоиникъ*), т. е. примерно десятую часть публикации, причем отсылочный аппарат в качестве словарной статьи опускается. Предлагаемые ниже замечания между собой не связаны, так что порядок их не имеет значения.

1. В вводной статье автор публикации пишет, что перед толкованием значения старославянского слова приводятся «наиболее характерные» греческие соответствия (стр. 288). Во-первых, желательно было бы приводить все греческие соответствия, так как в этом случае можно будет иметь более полное суждение о семантике славянского слова и о переводческой технике славянских первоучителей и их последователей. Критерий «характерности», как и критерий «древности», не является однозначным. Впрочем, практически приводятся именно все соответствия (кроме статей под лексемами *рабъ* и *радъ*, где опущены соответствия *παῖς* и *ἐνεμα* из евангельских чтений Лк XV 20¹² и Лк VI 22), так что замечание сводится только к необходимости уточнения текста вводной статьи. Во-вторых, иногда греческое соответствие вопреки обещанию не дается. Например, нет соответствий лексемам *работа*, *радостно*, хотя греческие эквиваленты этих слов имеются (например, в Псалтыри).

2. Кажется досадным упущением то обстоятельство, что эквиваленты даются только той же части речи, которой принадлежат и славянские слова. Например, в статье *радъ* нет глагольного соответствия, хотя в чтении от Лк XXIII 8 и от Ио VIII 56 (приведем первое: *ὁ δὲ Ἠρώδης ἰδὼν τὸν Ἰησοῦν ἐχάρη λίαν*) в ряде памятников греческая глагольная конструкция переводится именной. Подобные упущения досадны потому, что они создают ложное впечатление о технике первых славянских переводчиков.

¹¹ См. С. Д. Никифоров. Старославянский язык. М., 1955, стр. 19; Л. В. Матвеев-Исаева. Лекции по старославянскому языку. Л., 1958, стр. 22; В. П. Беседина-Незорова. Старославянский язык. Харьков, 1962, стр. 29; А. И. Горшков. Старославянский язык. М., 1963, стр. 64; М. Ф. Станівецький. Старослов'янська мова. Львів, 1964, стр. 84; Б. П. Скупский. Лекции по старославянскому языку, ч. I. Махачкала, 1965, стр. 43. В некоторых пособиях Остромирово евангелие в канон не включается, но отрывки из него помещены в хрестоматиях. См.: А. М. Селищев. Старославянский язык, ч. 2. М., 1952; Н. М. Елчина. Старославянский язык. М., 1960; С. М. Бурдип. А. А. Вадий и Е. Ш. Мирочкин. Старославянский язык. Ташкент. 1966.

¹² Кстати, данное евангельское чтение в словарной статье вообще не приводится, хотя оно есть, например, в Саввиной книге (стр. 68 б).

3. В многозначных словах греческие соответствия, как правило, указываются при толкованиях каждого значения, что вызывает самое горячее одобрение. Однако отступления от принципа подачи соответствий перед толкованиями отдельных значений не всегда оправданы. Например, греческие лексемы *θεράπων*, *ζυθροπος*, *υἱός*, приведенные перед толкованиями отдельных значений лексемы раб, не имеют значения 'покорный, преданный, подвластный (богу)', т. е. нельзя создавать впечатление, что они соответствуют и этому толкованию. Подобное замечание относится к лексемам работати и раждещи.

4. В написаниях греческих соответствий довольно много опечаток: под раб в *υἱός* вместо *υ* стоит *ν*; в лексеме *ραάβ* неправильно поставлено ударение, а в лексеме *ράββι* — придыхание; в лексеме *ισόφυρος* вместо *φ* поставлено *φ*; в лексеме *ὀρότιμος* неверно поставлено придыхание; в имени *Ραγαβ* вместо обличенного ударения помещен знак придыхания; в предлоге *ὑπέρ* не отмечено ударение; вместо *φροντίζειν* стоит *φροντίζειν*; в *ἐπιφραίνεσθαι* неправильно помечено ударение.

5. Что касается техники отсылок к орфографическим вариантам ведущей лексемы, то, думается, ценность Словаря повысилась бы, если бы эти отсылки содержали дополнительную информацию. Например, в статье равви имеется отсылка к пяти орфографическим вариантам (т. е. всего имеется шесть написаний), и все они отражают различную степень адаптации заимствованного слова. Если бы в отсылках содержались сведения о том, в каком памятнике и как часто употребляются различные варианты, то на основании подобных лексем можно было бы выявить источники, в которых заимствуемые греческие лексемы преимущественно адаптируются, и источники, в которых они сохраняют иноязычную форму. Таким образом, дополнительные данные о положении варианта в памятнике могли бы стать основой исследований, опирающихся на материалы Словаря. Аналогичные соображения побуждают рекомендовать ввести справочный материал в отсылки и для исконных лексем.

6. В вводной статье говорится, что в Словаре приводятся не только орфографические варианты, но и явные описки. Это заслуживает одобрения, ибо Словарь окажется полезным и в исследовании типологии ошибок допущенных переписчиками. Такой материал, однако, содержится не всегда. Например, к ради не дана описка раради (Саввина книга, стр. 37 б).

7. Подача материала статей нуждается в некоторой унификации. Ср., например, подачу первой греческой лексемы, которая в списке соответствий приводится в одних случаях с прописной, а в других — со строчной буквы. То же самое можно сказать и о первой лексеме славянских примеров.

Таковы наши замечания. Нам кажется, их следовало бы учесть при составлении окончательного текста Словаря, иначе недоуменные вопросы не будут сняты.

Имеется также ряд пожеланий. Так, по-видимому, лучше соединить материалы орфографических и отсылочных отделов статьи, потому что они во многом повторяют друг друга (см. статью равви); греческие глаголы принято давать не в форме инфинитива, а в форме 1 л. ед. ч. наст. вр.; при греческих существительных полезно указывать их род, поскольку это имеет отношение к переводческой технике, и т. д.

В целом, нельзя не подчеркнуть, что словарные статьи составлены на высоком лексикографическом уровне, продуманно, тщательно и с большой любовью. Наши замечания, если не говорить об Остромировом евангелии, как легко заметить, носят частный характер и не снижают общей высокой оценки опубликованных материалов.